

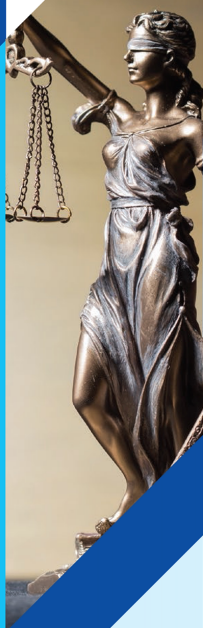

Санкт-Петербургский
государственный
университет

МЕЖДУНАРОДНАЯ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
**ВОПРОСЫ РУССКОГО ЯЗЫКА
В ЮРИДИЧЕСКИХ ДЕЛАХ
И ПРОЦЕДУРАХ**

18 мая 2021 года
г. Санкт-Петербург

УДК [811.161.1: 821.161.1:37.02](063)
ББК 81.2Рус
Р89

Вопросы русского языка в юридических делах и процедурах.
Международная научно-практическая конференция. – СПб.:
Первый класс, 2021. – 544 с.

ISBN 978-5-604374733

© МАПРЯЛ, 2021
© Коллектив авторов, 2021
Издательство «Первый класс», 2021
Все права защищены

Г.С. Иваненко
кандидат филологических наук,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
Российская Федерация, 454080, пр. Ленина, 69.
gala.april@mail.ru

ПРОТОКОЛЫ ДОПРОСОВ И ПОКАЗАНИЙ КАК ОБЪЕКТ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В статье намечены перспективы развития пока недостаточно разработанного направления лингвоэкспертологии – анализа протоколов допросов подозреваемых/обвиняемых, свидетелей. Именно на этих материалах в значительной степени базируется обвинение, и объективность формируемой материалами дела картины в значительной степени зависит от меры доверия к содержащейся в показаниях информации. Систематизирован опыт исследования протоколов допросов, типологизированы заданные лингвисту вопросы, отражающие определенные проблемные аспекты этого текстового материала. Наиболее распространенная проблема – дословное или в высокой степени схожее воспроизведение текстов показаний несколькими свидетелями, исключающее возможность случайного совпадения. Тождество отбора языковых средств текстов, созданных разными людьми, необъяснимое в условиях богатого ряда вариантов выбора, свидетельствует о несамостоятельности создания показаний, об их копировании или изначальном моделировании. Второй аспект – несовпадение стилистики устной речи автора показаний и его письменной речи в документе. Проявление в тексте не свойственного автору уровня образованности, овладение юридической терминологией и наличие правовой квалификации деяний – признак оказания влияния на автора показаний. Третий аспект – несовпадение заявленного времени, затраченного на дачу показаний, объема проделанной речевой деятельности. Четвертая проблема, позволяющая усомниться в качестве информации, содержащейся в протоколе допроса, – характер несовпадений в показаниях одного человека, данных в разное время. Если различия имеют характер дополнения, уточнения, детализации, речь может идти о поэтапном создании картины, обусловленной спецификой воспоминания. Если же сведения имеют характер замены, их автор, скорее всего, создает выгодную для него концепцию события.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, протоколы допросов, речевая деятельность.

Лингвистическая экспертиза сегодня активно используется в гражданской и уголовной процессуальной практике, теория ее различных направлений развивается [Леонтьев 1977; Баранов, 2007; Бринев, 2013; Иваненко, 2018; Катъшев, Осадчий, 2020]. Базой для современной лингвоэкспертологии является широчайший спектр исследований как общей теории речи, так и криминалистики советского периода [Вул, 1977; Караулов, 1987] По опыту автора настоящего материала, наиболее востребованы исследования текстов

в процессах о распространении порочащих сведений [Иваненко, 2016, 2018], об экстремизме [Иваненко, 2014], в документальных спорах [Баранов, 2007]. В уголовном процессе исследованию подвергаются преимущественно результаты ОРМ – аудиозаписи, из содержания которых извлекаются смыслы по заданным вопросам [Красса, 2013]. Одна из сфер уголовного процесса, как представляется, привлекает к себе недостаточное внимание как юридического, так и лингвоэкспертного сообщества, в то время как имеющаяся практика показывает большие перспективы этого направления. Речь идет об исследовании протоколов допросов и показаний участников процесса. И сторона обвинения, и сторона защиты, и суд могут получить значимую информацию по отдельным аспектам дела по результатам исследования под лингвистическим микроскопом материалов, представляющих собой речь подозреваемых (обвиняемых), свидетелей, пострадавших. В нашей практике за таким исследованием обращается только сторона защиты, возможно в силу того, что сторона обвинения имеет другие возможности разрешить возникающие сомнения, или в силу того, что она эти материалы и формировала, а потому не видит оснований в их критическом анализе.

Анализ протоколов показаний участников процесса позволил выделить следующие типы объектов лингвистического изучения в представленном материале.

1. Тождество или высокий уровень сходства языковой структуры показаний свидетелей. Вопросы, которые в такой ситуации задают лингвисту: «Свидетельствует ли языковая структура ответов на вопросы в представленных протоколах допроса о единстве их авторства?» «О чем свидетельствует единообразие языковых формулировок ответов в протоколах допросов различных свидетелей?»

Представленные и подобные им вопросы соответствуют задачам автороведческого типа исследования в одном из его аспектов. В исследованиях такого типа по представленным образцам речи определяется единство или различие автора, создавшего их [Рубцова, Ермолова, Безрукова, Огорелков, 2007]. В данном случае выясняется, по сути, вопрос: как соотносится наблюдаемое сходство в языковом самовыражении различных людей, дающих показания, с вариативными возможностями русского языка, что в практическом плане означает: возможно ли в условиях естественного порождения речи имеющее место в протоколах сходство в речи различных людей, с точки зрения закономерностей реализации языковой системы?

Методики автороведческого исследования опираются на сопоставительный анализ представленных материалов по индивидуализирующим параметрам [Ермоленко, 1988; Китайгородская, Розанова, 1989; Марусенко, 1996; Баранов 2001]. В рассматриваемом случае в распоряжении лингвиста имеются только показания. Принципиальным методическим положением автороведения является опора в исследовании на те текстовые параметры, которые отражают индивидуальность реализации языковой системы. Однако в отсутствие возможности и потребности исследовать индивидуальный стиль каждого свидетеля теория автороведения востребована в особом аспекте. Идентификационное автороведческое исследование как тип лингвистического анализа основано на трех постулатах:

1) языковая система на всех уровнях обладает богатыми синонимическими возможностями;

2) каждый человек обладает индивидуальным речевым опытом, речевыми предпочтениями;

3) выбор из ряда возможных вариантов одного конкретного обусловлен рядом факторов, объективных и субъективных.

Языковая система русского языка со свободным порядком слов предоставляет богатые возможности не только отбора лексем из ряда возможных в конкретной ситуации, но и их соединения в прямом или инверсированном порядке, в конструкциях с обособлениями или без таковых, с соединением простых предложений в сложные или с их разделением. Иными словами, даже тождественную информацию два человека не выразят абсолютно тождественными языковыми средствами. Опыт участия в судебных заседаниях показал, что такое бесспорное для филолога положения для юристов не очевидно. В качестве доступного средства популяризации высказанного положения становится любой текстовый пример, представляющий оформление идентичного смысла различными языковыми средствами. Даже без включения лексических синонимических рядов, только на синтаксическом уровне, иллюстративный ряд синтаксически синонимичных конструкций демонстрирует возможности языка и убеждает в том, что выбор несколькими свидетелями из такого богатства одной модели является настораживающим фактором, заставляющим усомниться в естественности условий и самостоятельности процесса создания текстов протоколов допроса свидетелей.

Многие текстовые факторы могут стать сигналом для сомнений в соблюдении процедуры допроса и фиксации показаний. Наиболее частотные из них:

- длинные ряды однородных членов, находящихся в равноправных отношениях, однако названные различными свидетелями в одинаковом порядке;

- сложные синтаксические конструкции, как правило, с сочинительной и бессоюзной связью, однородного состава, с отношениями перечисления или одновременности, содержание которых могло быть представлено несколькими простыми предложениями, однако тождественно оформлено именно сложными предложениями, состоящими из равного количества простых;

- выбор из богатого ряда вводных слов одной смысловой группы одного слова в тождественной позиции (сам факт наличия вводного слова факультативен, но еще и выбор слова вариативен);

- использование причастных, деепричастных и адъективных оборотов в одинаковой позиции в разных показаниях при богатых возможностях вариативности отбора, во-первых, морфологического средства выражения, во-вторых, расположения второстепенного члена относительно главного слова;

- орфографические, пунктуационные, речевые, грамматические ошибки в тождественных позициях – явный и очевидный признак копирования материалов, а не создания их в процессе опроса свидетеля.

Если восемь свидетелей вспоминают десять фамилий участников ситуации в одинаковой последовательности, не обусловленной ни логикой развития событий, ни алфавитным порядком, ни иерархическими взаимоотношениями, есть основания предполагать смоделированность показаний и тиражирование их для подписи нескольким свидетелям. Это не значит, что показания неправдивы. Такой вывод не в компетенции лингвиста. Но это значит, что человек не вспоминал события, свидетелем которых он был, а подписал предложенный ему протокол. И даже если свидетель согласился с представленным ему текстом, такой подход к допросу нарушает требование самостоятельности и независимости создания текста показаний. Свидетель мог не заметить в созданном не им самим протоколе детали, которая впоследствии окажется значимой, либо пренебречь неточностью, которая, будучи тиражированной в ходе судебного разбирательства, примет статус доказанного факта и может повлиять на объективность решения.

2. Несоответствие стилистики речи участника процесса

его культурному уровню, содержанию вопроса, дискурсу и другим параметрам речевого акта. В связи с обозначенным аспектом речевой структуры показаний свидетелей или обвиняемого лингвисту задают вопросы такого типа: «Соответствует ли уровень владения русской речью свидетеля X в устных высказываниях на аудиозаписи и в письменных показаниях от ... числа?», «Соответствует ли стилистика речи свидетеля X в показаниях от 15 марта 2021 года и 20 марта 2021 года?».

Нередки случаи, когда обвиняемый или свидетель предстает в двух речевых обликах. В устных показаниях на суде человек не демонстрирует богатого словарного запаса и речевого опыта, затрудняется в отборе слов для выражения мысли, в построении предложений – одним словом, владеет русским языком не очень хорошо или даже плохо, особенно если язык неродной. В письменных же показаниях перед нами предстает человек интеллектуальный, хорошо владеющий речью, с богатой речевой практикой, богатым словарным запасом и изысканным арсеналом синонимических синтаксических конструкций, достаточно правильно использованных.

Какой-то уровень расхождений в образе речевой личности в устном и письменном тексте может объясняться психологическим фактором: письменная речь создается в более комфортных условиях, допускающих обдумывание и подбор языковых единиц. И все же несоответствие не может быть разительным. Человек, в письменных показаниях охарактеризовавший все свои действия и действия окружающих правовыми терминами, буквально сам давший правовую квалификацию своему деянию, на суде не может объяснить значение слова «предварительно». В таком случае несоответствие уровня владения языком, проявленное участником процесса на виду у многочисленных свидетелей, с уровнем владения языком в письменных показаниях позволяет предполагать несамостоятельность свидетеля или обвиняемого в создании показаний, участие иного лица в создании формулировок.

Наиболее показательны случаи, когда один и тот же человек в двух письменных показаниях, отстоящих друг от друга во времени на такой срок, за который явно не было возможности получить юридическое образование и повысить культурный уровень, из бытового носителя языка превращается в специалиста-юриста, использующего

правовую терминологию, которая ложится в основу обвинения. Например, человек, плохо владеющий русским языком, за ускоренную выдачу паспорта передавший три тысячи рублей сотруднику полиции, в показаниях пишет об *«осознанной, продуманной, предварительно подготовленной и запланированной даче взятки за осуществление незаконных действий»*. Анализ коммуникативной ситуации, зафиксированной на аудиозаписи, показывает неоднозначность проявленной ее участниками поведенческой мотивации и наличие провоцирующих факторов по отношению к обвиняемому. В любом случае языковая структура его речи в признательных показаниях не соответствует его уровню знания языка, определяемому по той же присутствующей в деле аудиозаписи. А это значит, что имеющийся в материалах дела текст, который должен создаваться самостоятельно и независимо, формировался либо под влиянием, либо вообще не тем лицом, от имени которого написан.

3. Несоответствие объема текста длительности допроса, заявленной в протоколе допроса свидетеля или подозреваемого/обвиняемого. Для раскрытия обозначенного аспекта показаний лингвисту задают вопросы такого типа: «Соответствует ли объем речевой деятельности, отраженной в протоколе допроса свидетеля Х (6 страниц), указанному в документе времени допроса, – один астрономический час (с 14.30 до 15.30)?»

На примере из практики покажем логику решения проблемы.

Речевая деятельность – понятие филологии, психологии и философии, обозначающее процессы, связанные с речью. К речевой деятельности относится как создание текста, так и его осмысление и анализ. Протокол допроса как речевой жанр предполагает следующие типы речевой деятельности: вербализация вопроса; осмысление допрашиваемым его содержания; подготовка ответа; вербализация ответа; восприятие допрашивающим текста ответа; письменная вербализация ответа допрашивающим; прочтение допрошенным всего готового протокола. Каждый этап речевой деятельности требует определенного времени. Этапы мысленной обработки поступившей речевой информации могут быть очень краткими, вплоть до долей секунд. Больше времени требуется на подготовку ответа. Как правило, на это уходит 1–5 секунд. Это усредненные цифры, характерные для эмоционально нейтральных ситуаций. Допрос как речевой жанр, подобно экзамену и собеседованию, предполагает

внутреннюю оппозиционность сторон, а следовательно, повышенную ответственность отвечающего, что не может не замедлить его внешней реакции. Из сказанного следует, что создание протокола допроса требует времени, существенно превышающего необходимые временные затраты исключительно на напечатание самого текста.

В любом случае весь текст протокола допроса должен быть проговорен устно, а также зафиксирован на письме, то есть на проведение допроса в целом не может уйти времени меньше, чем на устное прочтение текста (сам диалог в ходе допроса) + создание письменного варианта + естественные паузы на мыслительные этапы речевой деятельности + прочтение готового документа (вслух или про себя).

В документе на 6 страниц не менее 7000 знаков. Средняя скорость печати уверенного пользователя – 150–200 знаков в минуту. Следовательно, только на печать текста уходит не менее 35 минут. Прочтение пяти страниц текста заинтересованным читателем с осмыслением содержания про себя требует не менее 15 минут. В рассматриваемом случае допрос заканчивался словами «мне прочитано», следовательно, текст звучал вслух, что требует не менее 20 минут. Но даже если предположить отсутствие такого финального прочтения, необходимо учесть иные виды речевой деятельности. Очевидно, что в ходе допроса речевые процессы не могут не включать того резерва пауз, который обусловлен мыслительными этапами речевой деятельности. Создание печатного текста является результатом фиксации устной речи, на восприятие которой тоже требуется время.

Кроме того, допрос предполагает какую-либо вступительную часть, завершение. Начало допроса, осуществляемого в соответствии с нормами законодательства, предполагает ознакомление допрашиваемого с правами и обязанностями, ответственностью за дачу показаний. Текст, содержащий эту информацию, при любом способе речевой деятельности (прочтение вслух, про себя), требует нескольких минут. В комплексе с сообщением и фиксацией информации о личности допрашиваемого – не менее 7 минут. Фрагменты текста, предъявляемые допрашиваемому, воспринимались в печатном виде, чтение, осмысление, постановка подписи с сопутствующими действиями также требуют времени. В исследуемом материале присутствовало табличное представление информации, составление которой – достаточно трудоемкий и времязатратный процесс,

превышающий затраты времени только на напечатание собственно текстовой информации.

Таким образом, объем речевой деятельности, отраженной в протоколе допроса свидетеля X, не соответствует указанному в документе времени допроса – один астрономический час (с 14.30 до 15.30) ввиду явной недостаточности этого времени. На настоящий момент для ответа на поставленный вопрос использовалась педагогическая практика и данные педагогических методических разработок, содержащих приблизительное обозначение затрат времени на определенный объем различных видов речевой деятельности, использованных с большим запасом. Возникла, однако, потребность в разработке обозначенной темы для целей использования в экспертологии.

4. Заместительный характер несовпадений в различных протоколах допроса одного лица (подозреваемого / обвиняемого, свидетеля).

Нередко одно лицо допрашивается по одним и тем же обстоятельствам неоднократно. Вполне естественно, что в разные дни, при ответе на различные по форме и по сути вопросы ответы не тождественны. Как фрагменты мозаики, они постепенно должны складываться в единое полотно, взаимно дополняя и корректируя друг друга. Человек постепенно вспоминает новые детали исследуемых обстоятельств; в равной мере и следствие, получая все более полную картину, уточняет и расширяет вопросный ряд. Однако случается, что под тезисом «я вспомнил» подается информация, избранная допрашиваемым в качестве смоделированного варианта действительности. Мотивы могут быть самыми различными, и самый главный у обвиняемого – стремление уменьшить свою вину, что можно сделать, как правило, увеличив вину другого обвиняемого. У пострадавшего и свидетелей тоже есть свои мотивы создавать картину произошедшего. Далеко не всегда следствие относится критично к показаниям, выбирая из их разнообразия те, которые поддерживают избранную концепцию.

Современной лингвоэкспертологии в сотрудничестве с другими дисциплинами предстоит выработать типовые и закономерные модели отражения тех или иных процессов в текстовой структуре. **Воспоминание** – извлечение из долговременной памяти образов прошлого, воспроизведение событий из жизни, мысленно

локализуемых во времени и пространстве. В норме постепенные воспоминания могут строиться по модели дополнения и конкретизации. Отношения замещения – признак либо психической патологии, либо неискренности.

Поскольку со временем события прошлого накладываются друг на друга, часть информации может не сохраниться в памяти, сохраниться фрагментарно или восприниматься с изменением порядка следования элементов. Это естественный процесс забывания, то есть утраты точности картины прошлого.

Изучение текстов, содержащих воспоминания, позволило выявить закономерности передачи картин прошлого:

1. Запоминается главное, стирается из памяти прежде всего второстепенное, обратное соотношение неестественно (если речь не идет о психической патологии).

2. При поэтапном воспоминании, становящемся результатом сосредоточения на прошлом, если требуется воссоздание более точной картины некогда произошедших событий в рациональном аспекте, создаваемое в описании изображение становится все более детальным.

3. При воспоминании все больших аспектов какого-либо явления, события накопление информации развивается по принципу дополнения, но не по принципу замещения. Замена одних существенных фактов другими в условиях невозможности их сосуществования не свойственна текстовой модели воспоминания, поскольку отношения замещения означают, что одного из альтернативно представленных фактов в действительности не было. Замещение – результат либо психической аномалии, либо неискренности.

Приведем пример из практики. В получении взяток от лица А обвиняются два лица – начальник (Б) и подчиненный (С). Подчиненный отказался от дачи показаний, а начальник, напротив, давал их неоднократно. Анализ языковой структуры хронологически расположенных показаний обвиняемого Б по названным параметрам текстовых признаков воспоминания показал, что она не соответствует текстовым признакам процедуры восстановления в памяти описываемых им событий:

1. В ряде показаний Б демонстрирует текстовую детализацию менее значительных фактических обстоятельств при «забвении» более значимых, что нарушает принцип детерминированности текстовых пропорций частей их приоритетностью.

2. Сравнение показаний Б в хронологическом порядке показывает, что их изменения не характерны для модели воспоминания. Показания не детализируются, как должны бы, а, напротив, теряют конкретность. Сначала Б помнил, что ни он не предавал лицу С денег, полученных им от взяткодателя, ни С не отдавал того, что было предано ему. На следующем этапе обвиняемый Б вспоминает, что уже с 2015 года он договорился с другим обвиняемым С делить средства от взяткодателя в пропорции 70 % – Б, 30% – С. Количественные показатели – важная составляющая картины прошлого. Если этот компонент значим, он не может быть забыт полностью. Могут быть забыты частности, но не существенная сторона явления, события, процесса. Совершенно нетипично для текстовой модели воспоминания размывание картины прошлого, что происходит в последних показаниях обвиняемого Б. О процентном разделении средств, получаемых от взяткодателя, между Б и С, уже не идет речь, оба персонажа объединены в «мы», которые совместно получали и делили все средства, как будто неразлучно находясь рядом постоянно.

3. В показаниях обвиняемого Б по мере восстановления картин прошлого сведения не детализируются, а замещаются. Так, Б. то говорит о том, что только от С. узнал о его разговоре с взяткодателем о передаче денег, которая к нему, Б, не имеет никакого отношения, то утверждает, что сам вступил в договоренности со взяткодателем, определив также и роль посредника С.

Многочисленные противоречия не позволяют с доверием относиться к показаниям. Также многие реплики обвиняемого Б. в ходе показаний свидетельствуют не о забывчивости, а о нежелании сообщать сведения: *«Мне нужно все осмыслить, я желаю показания дать позже»*, – желание «все осмыслить» по сути означает намерение выработать максимально выгодную тактику дачи показаний; *«Сейчас ответить затрудняюсь»*, *«Я сейчас затрудняюсь ответить, за что именно, был ли это возврат долга или что-то другое. Поясню эти обстоятельства позже»*, *«Показания в этой части давать пока не готов, расскажу об этом после Нового года»*, – высказывание, прямо сообщающее о намеренном уходе от показаний в момент речи.

Главный признак «воспоминаний» в показаниях Б – изменения в сведениях, сообщаемых им, – отражают не отношения дополнения, инклюзии, характерные для восстановления в памяти событий, а отношения замещения, которые могут означать лишь, что либо одна, либо другая картина действительности, преданная рассказчиком, не соответствует действительности.

Таким образом, в настоящем материале представлено обобщение лингвоэкспертных исследований протоколов допросов свидетелей и обвиняемых. Выделены типовые проблемные ситуации, в которых было востребовано лингвистическое заключение: неоправданная композиционная, стилистическая и языковая (на различных уровнях) типизированность показаний разных лиц, несоответствие стилистики устных и письменных показаний одного лица, несоответствие заявленного времени осуществления допроса объему речевой деятельности, заместительный характер содержания показаний. Многие разовые ситуации пока остались не типологизированными, что свидетельствует о перспективе обозначенного направления лингвоэкспертологии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баранов А.Н.* Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учеб. пособие. М.: Флинта: Наука, 2007. 592 с.
2. *Баранов А. Н.* Авторизация текста: пример экспертизы // Введение в прикладную лингвистику: Учебное пособие. М.: Эдиториал УРСС, 2001. С.43–51.
3. *Бринеv К.И.* Справочник по судебной лингвистической экспертизе. М.: Книжный дом «Либерком», 2013. 200с.
4. *Вул С. М.* Теоретические и методические вопросы криминалистического исследования письменной речи (методическое пособие), М.: МЮ СССР, 1977. 109 с.
5. *Ермоленко Г. В.* Анонимные произведения и их авторы, Минск: Университетское, 1988. 118 с.
6. *Иваненко Г.С.* Лингвистическая экспертиза в процессах по защите чести, достоинства, деловой репутации. М.: ООО «Флинта», 2018. (2-е издание). 247 с.
7. *Иваненко Г.С.* На пересечении языка и права. Из практики производства судебных лингвистических экспертиз. М.: ООО «Флинта», 2018. 279 с.
8. *Иваненко Г.С.* Объективное и субъективное в конфликтном тексте: вопросы экспертной квалификации // *Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований.* СПб: Институт лингвистических исследований РАН (Санкт-Петербург). 2016. Т. 12. № 3. С. 311–326.
9. *Иваненко Г.С.* Судебная лингвистическая экспертиза: специфика анализа художественного текста в аспекте законодательства об экстремизме. Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2014. Т. 20. № 6. С. 200–203.
10. *Катышев П.А., Осадчий М.А.* Судебная лингвистическая экспертиза. М: Изд-во Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. 121с.
11. *Красса С. И.* Методика и инструментарий атрибуции текста в автороведческой экспертизе // Альманах современной науки и образования. № 10 (77). 2013. С. 106–108.
12. *Леонтьев А. А.* и др. Речь в криминалистике и судебной психологии. М.: Наука, 1977. 62 с.
13. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность, М.: Наука, 1987. 261 с.
14. *Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.* Языковая личность в аспекте проблем судебной экспертизы устной речи // *Язык и Личность*, М.: Наука, 1989. С.132–143.

15. *Марусенко М. А.* Атрибуция анонимных и псевдонимных текстов методами прикладной лингвистики // Прикладное языкознание, СПб.: Изд-во СПбГУ, 1996. С. 466–479.

16. *Рубцова И.И., Ермолова Е.И., Безрукова А.И., Огорелков И.В.* Комплексная методика производства автороведческих экспертиз: Методические рекомендации. М.: ЭКЦ МВД России, 2007. 188 с.

LINGUISTIC RESEARCH OF INTERROGATION PROTOCOLS AND TESTIMONY

G. S. Ivanenko,

South Ural State Humanitarian and Pedagogical University,

69 Lenin Ave., 454080, Russian Federation.

gala.april@mail.ru

The article outlines the prospects for the development of an insufficiently developed area of linguoexpertology – the analysis of protocols of interrogations of suspects/accused, witnesses. It is on these materials that the prosecution is largely based, and the objectivity of the picture formed by the case materials largely depends on the measure of confidence in the information contained in the testimony. The experience of studying the interrogation protocols is systematized, the questions asked to the linguist are typologized, reflecting certain problematic aspects of this text material. The most common problem is the verbatim or highly similar reproduction of the texts of testimony by several witnesses, which excludes the possibility of accidental coincidence. The identity of the selection of linguistic means of texts created by different people, which is inexplicable in the conditions of a rich range of choices, indicates that the creation of readings is not independent, that they are copied or initially modeled. The second aspect is the discrepancy between the style of the oral speech of the author of the testimony and his written speech in the document. The manifestation in the text of a level of education that is not characteristic of the author, the mastery of legal terminology and the presence of legal qualifications of acts – a sign of influencing the author of the testimony. The third aspect is the discrepancy between the declared time spent on giving evidence and the volume of speech activity performed. The fourth problem that makes it possible to doubt the quality of the information contained in the interrogation protocol is the nature of discrepancies in the texts of one person given at different times. If the differences are in the nature of additions, clarifications, inclusions, it can be a step-by-step detailing, due to the specifics of the memory. If the information is of the nature of substitution, its author most likely creates a favorable picture of the event for him.

Keywords: linguistic expertise, interrogation protocols, speech activity.